

**ФЕНОМЕН ИКОНОГРАФИЧЕСКОГО СВОЙСТВА:
ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ ЗАБЛУЖДЕНИЙ...
(вопросы северного манихейства)**

Гравировки – характерная черта петроглифов периода гунно-сарматского времени и эпохи средневековья, часть из которых – с последующим подновлением (палимпсест). Иконографические наслоения – факт установленный, это сотворчество представителей разных поколений и даже разных эпох. Линеарное камне-графическое искусство (Подкамень, Ошколь) является суммой разновременных мотивов и религиозного кыргызско-манихейского (и шаманистского) изобразительного языка, подчеркиваем, по признакам исполнения, имеющего определенное сходство. Технологические признаки воспроизведения изображения способом процарапывания металлом – острием стрелы (?) не противоречат магическим функциям лука и стрелы в идеологии алтае-саянских тюркских племен (Потапов Л.П., 1934, с. 65–76; Потанин Г.Н., 1882, с. 304). Большая часть мотивов с изображениями загадочных фигур в мантиях (открытие экспедиции И.-Р. Аспелина 1887 г.) представляет многослойные графические конфигурации и не может быть идентифицированы как одноактовое рукотворное искусство. После документирования (2000–2007 гг.) автором графического материала (Подкамень-Ошколь), а также после изучения методом сравнительного анализа и выявления стилистических закономерностей с применением новых технологий можно сказать следующее:

1. По причине близкого визуально трудноразличимого способа воспроизведения гравированных мотивов в иконографической среде памятников разновременные слои перепутались – верхние изображения «проникли» в нижние.

2. Дополнительно те и другие петроглифические мотивы в последующем были подвергнуты обводке многократно и оказались в одном объединенном слое.

Это коварство палимпсеста как факт спровоцировало явление общего заблуждения в материалах и суждениях исследований XX в. Однако петроглифическая ситуация «смешения» не была распознана изначально первооткрывателем И.-Р. Аспелиным, что отражено в известной монографии (Appelgren-Kivalo N., 1931, с. 58–59), касающейся памятников Подкамень-Ошколь. В корпус материалов попали только выделенные обводкой петроглифы, имеющие убедительную изобразительную структуру, тогда как другие гравировки, однозначно относящиеся к тому же периоду, были либо не замечены, либо опущены. Фигуры в мантиях, герои-воины, движущиеся быки, лошади и другие персонажи «объединились» в один хронологический пласт. Побудительные мотивы многократных обводок потребовали отдельного исследования.

Природно-ландшафтная среда. Реликтовые источники. Места почитаний предка-героя или предка-воина не могли быть отстраненными от мест сакральных, т.е. священных. Памятники п. Подкамень – подножие священных Барбаковых гор с утесом Кызыл-Хая в пределах урочища Хозан-Хыс «заяц-девушка» (Бутанаев В.Я., 1995, с. 172). Здесь же находятся остатки мольбища у четырехгранного бурого столба с чертами антропоморфной фигуры (Радлов В.В., 1895, с. 171). Объектом поклонения в глубокой натур-мифологической традиции здешних степняков-населенников явилась гора Барбакова: «Семиопаясанная...», «Красный камень о семи поясах» (из песни о г. Барбаковой – сообщение местной жительницы А.И. Янгуловой – 79 лет, п. Сарала)

Описание памятников и краткие сопутствующие замечания (материалы автора). Иконографический парадокс «смешения» двух традиций: военно-оборонительной таштыкской и духовно-проповедческой иноземной – в следующих примерах.

Известные фигуры (рис. 1.-1-4) Ошкольской писаницы (перевод автора соответствует переводам материалов И.-Р. Аспелина, с незначительными поправками по результатам цифровой съемки) – варианты изображений, представляющие графические недоразумения.

Рис. 1. Фигуры (1-4) Ошкольской писаницы, хребет Арга (по: Appelgren Kivalo N., 1931, p. 58, abb. 304-308). Фигура-4 (abb. 308) – реконструкция автора. Центральный персонаж (5-8) в трехрогой тиаре «Приношение святых даров» (фрагмент), Барбаковы горы. Реконструкция (материалы автора)

Персонажи (рис. 1.-1-3). Графические детали таковы, что не позволяют распознать фигуры по признакам пространственной ориентации: левое-правое (?). Абрис фигур в целом больше напоминает схематизированный облик птиц, чем человеческие фигуры – заблуждение М. Эрди (Erdy M., 1996, с. 53). Персонаж (рис. 1.-4) – фигура в сцене галопирующих всадников (Appelgren-Kivalo N., 1931, abb. 308, s. 59), двух-трехслойное разновременное изображение с поворотом в одну и другую сторону на 180° головы и шлейфа длиннополой мантии. Таких фигур полуптиц, антропоморфных «полусуществ» в мантиях на Ошкольской писанице несколько. Вторичные наложения, точнее многократные, нарушили подлинные изначальные реалистические формы изображений – явление фальсифицированного набора петроглифов в состоянии крайней стилизации.

Центральный персонаж (рис. 1.-7 – общее состояние) в трехрогой тиаре из сцены «Приношение Святых Даров». Барбаковы горы. Первая публикация – «Приношение хлебов» (Рыбаков Н.И., 2005, с. 190-192), манихейская евхаристия праздника. Персонаж в длиннополой мантии, второй в череде шествующих четырех фигур, перед грудью несет круглый предмет (хлеб – Святые Дары), коронован трехрогой тиарой – вопрос и ответ к нашей интерпретации (вопрос идентифицирования роли персонажа как божества здесь не рассматриваем). По результатам изучения иконографической среды памятника выявлено несколько напластований: по предложенной реконструкции (рис. 1), «Он» – носитель двух комбинированных вариантов (условно – первая и вторая графическая стадия). Первая стадия (рис. 1.-5-6) (следуем в направлении «из глубины на поверхность»): первоначальный (в нескольких повторениях) представитель пришлого религиозного сообщества, костюмированный в гностическую «форму» муже-девы, священнослужитель в мантии, с короной на голове, украшенной «диадемой владычества» (Klimkeit H.-J., Heuser M., 1998, с. 230) – олицетворение некоего божества. В этом же ряду «Он» – в ипостаси носителя предмета пожертвования в виде диска хлебов. Его облик соответствует (насколько удался перевод) стереотипным вариантам представителей в мантиях Ошкольской степи. Вторая стадия (рис. 1.-7-8): по свидетельствам камне-графической прориски, «фигура» носителя лежит

в поверхностном слое и приобретает значение удобочитаемого источника для нашего осмысления. Аморфизированный персонаж, коронованный трехрогой тиарой, с явно выраженными сглаженными чертами лица (отюреченный профиль) обведен утолщенной линией по контуру, а именно: выделена трехрогая тиара, диск хлебов и в целом фигура. Здесь ключевая ситуация – факт инаугурации небесной харизмой, но период получения «небесной жизненной силы» «лежит» в слоях последних редакций обводки-повторения. Его головной убор под тиарой имеет профиль в виде стандартизованного абриса надкурганной плиты со скосом назад либо «головы» птицы. Тиара предназначена именно «Ему» – она по всем признакам пространственной ориентации не «сидит» на головах персонажей нижнего слоя.

Сцена приношения Святых Даров – манихейский праздник Бема. Трехрогая тиара – череда противоречий. Обстоятельства специфической «процедуры загадочного шествия под треххвостой вершиной Барбаковых гор» и наши допустимые знания о формах ритуального манихейского опыта с участием коронованного персонажа в представляемом мотиве имеют отношение к процедуре Праздника Бема с приношением жертвоприношения в виде манихейского хлеба «нэн». Диск в руках изображенного священника есть аналог хлебов нэн в Турфанских документах (Beduhn J.D., 2000, с. 156), имеющих такую же форму и подобие: обрамление полумесяцем, надрезанный несколькими косыми лучами, с обозначенным центром в виде круга или завитка. Образ коронованного праведника раскрывает главную сторону праздника Бема – память о божественных учителях и воспоминании вкушения мученической смерти учителя Мани (Allberry C.R.C., 1939, с. 2). Воспоминание Апостола выражалось в символическом призыве «прихода-присутствия» божественной сущности в пределах богослужения. В манихейской традиции трехрогая тиара имеет прямой адресат к образу самого Апостола Мани. В предполагаемом портрете Мани (Кочо) его корона, почитаемый алтарный атрибут (тиара Учителя), окружена по тулии трехрогой диадемой. В психологической ориентации спасения тиара учителя – трехрогая корона – не только персидско-месопотамский символ божественного закона, духовной власти, но и, как фактор вешный, является божественным материалом символов тюркской религиозности. По графическим фактам «кудырганского валуна» с участием коронованной тиарой женской фигуры (Гаврилова А.А., 1965, с. 18–21) мнения специалистов разделились. Трехрогая тиара, якобы, имеющая принадлежность к культуре Умай, не находит прочных доказательств, тем не менее, отрицать эту версию нет оснований. Рогатые головные уборы в памятниках Семиречья, по мнению специалистов, относятся к «эфталитской среде» с признаками женского прототипа (огузские племена) (Мокрынин В.П., 1975, с. 113–119) или имеют отношение к почитанию культа предков по женской линии (Ахинжанов С.М., 1978, с. 65–79). Исследователи сходятся в одном: каменные изваяния в тиарах – женские, а трехрогая тиара, как атрибут, относится к шаманскому культу. Древнетюркское шаманское божество Отыюкенской черни (Этюгенбогиня Земли у монголов) близкородственно Умай, наделено «созидательной жизненной силой» (Кляшторный С.Г., 1981, с. 134). Итак, женские божества в тиарах несут сакральную значимость прообраза генеалогического предка древнетюркского мира – мифической матери прародительницы, образ которой сохранялся в религиозной «памяти» материнско-правовой семьи, катунско-царицынских фракций династических коалиций древнетюркских государств (Зуев Ю.А., 2002, с. 228–230). Этот важнейший аргумент дает подвижность в осмыслении нашего аморфизированного персонажа в трехрогой тиаре.

Исходный фактор категории единства и множественности (повтора-обновления) в манихейской доктрине. Ориентация иконографического фактора «повтора-обновления» только как свидетельство традиции повторения ежегодного праздника памяти Учителя (его символического призыва-присутствия) не может дать окончательного ответа. Документы зафиксированного «текста» в нашей «сцене приношения даров» (рис. 1.-5–8) проявлены в изобразительной форме «повтора» и визуально представляют не отдельность, не обособленность, а единство сохраняющегося в череде от «первого до последнего», – т.е. совокупность целого (изобразительный знак моделирования единства и множественности или фактор «преобразования формы божеств»). В чем суть? Гностическая идея прорыва Человека Нового (бесполого) из сущностей «разных подобий и новых имен», воплощенная

в различных человеческих формах (Сидоров А.И., 1987, с. 48) – «диалектика тождества и различия» – характерна для манихейства. Униформа «множественности», «отождествления и подобия», взаимозаменяемости в манихейском учении – черта мифологических параболических категорий спасения души, метод победы дьявола в материальном мире на пути к свету. Явление искупителя Иисуса («Зов» из другого мира) – предполагает различные формы, «чтобы посещать различные народы в разное время, дабы выбрать праведных из их середины». «Совлечение одежд» – «смена одеяний» или «облачение Иисуса в Еву», а затем периодические сошествия Спасителя в облике Девы в материальную вселенную (Кефалайа, 1998, 94, 4, 5; 101, 14) – свидетельства из того же ряда нормативных конфигураций. Фактор униформы «множественности» в импровизациях системы спасения может быть исходной трактовкой осмысления иконографической формы мотива преобразования, выраженный в послыльном повторении в сцене манихейской евхаристии.

Элементы шаманской практики «вызывания» (повтора-обновления). Фрагмент писаницы (рис. 2) представляет множество наслоений, в среде которых графическая комбинация в виде вертикальных линий и крестообразных начертаний по фигурам. Свидетельства этой специфической графики могут быть отнесены, без особых доказательств, к кругу распространенной шаманистской символики – культу змеи. Жгутобразные подвески в костюме шамана (Анохин А.В., 1994, с. 42–45) и петроглифические вертикальные полосы, в свое время отмеченные в дневниковых записях А.В. Адрианова (дневники хранятся в ТГУ, 1909 г.), и наша графика «следа» змеи являются примерами тождества в системе магического «языка» шаманской практики. Вертикальные линии – графический факт «касания» шаманской руки, «след» тхонической символики пересечения-соединения границ «небесно-земного-преисподнего» («вызываемое–отвечаемое»), в историко-культурном знаковом контексте – метод глубоких недоступных призывов или «созидательной жизненной силы», которой обладали небесные женские божества.

Муже-девы, девы-невесты, девы-дочери высоких божеств – дарители сакральной жизненной силы. Психологическая ориентация спасения земного человека в ритуальной системе манихейства предполагает «слияние» с небесным, высшим божеством через посредство космической силы, которая гарантирует жизнь. «Космическая сила», «жизнь», «Свет» – по сути, понятия-синонимы. Манихейская проповедь спасения Святых Даров нашла привлекательный материал в религиозно-магической среде практической деятельности сибирского шамана. Факты любовных связей и сожительства шамана в мистической реальности отмечены у некоторых алтае-саянских тюрков. «Родоначальник рода (уряньхайцы) родила от небесной женщины», «предки ведут душу шамана на небо, знакомят с дочерьми божеств... и тот сам выбирает себе невесту... живет с девой на горе» – сексуальный мотив избранничества (Штернберг Л.Я., 1936, с. 123, 153, 355). Женоподобие или двуполость шаманствующих лиц известны в Средней Азии – реликтовое наследие материализованной «психоэнергетической силы» предков по женской линии (Басилов В.Н., 1992, с. 234). Эту

Рис. 2. Центральный персонаж в трехрогой тиаре «Приношение святыных даров» (фрагмент), Барбаковы горы (материалы автора). Элементы специфической символики шаманской «руки»

силу «давали дочери Ульгена» (алтайцы), «девять чистых дев» (Анохин А.В., 1994, с. 12), дочери гор и дочери высоких божеств (качинцы, сагайцы). Среди антропоморфных небесных дев (помощников и «духов кровного родства и свойства») – предков шаманов – правомочно место нашей девы в трехрогой тиаре (аморфизированный персонаж). Символическая концепция мистерии бракосочетания шамана с божественной небесной девой в трехрогой тиаре, атрибуте божеств-Покровителей по женской линии, не вызывает противоречий. Из сказанного вытекает следующее: гипотетическое взаимодействие призываемой небесной девы (духа – помощника и шамана-жениха, в которого должна вселиться ее жизненная сакральная сила) информативно отражено в образе «аморфно-гибридного» персонажа. Однако мы не знаем имени предка-Покровителя небесной девы. Но по косвенным свидетельствам, высказанным выше, им был предок по женской линии из круга мифической родословной древних тюрков Центральной Азии.

Выводы. 1. Камне-графический феномен «смещения», одновременное культовое «творчество» – отражение мифологического сознания племен гунно-сарматского времени, идеологии средневекового общества древних кыргызов, явление языческое (шаманистское), а также манихейское и постманихейское (шаманистское). Палимпсест как фактор подновления в отношении памятников Ошкольской степи обусловлен наличием в родовом сознании представления о нерасчлененном тождестве живых, умерших, нерожденных.

2. Иконографическая форма божественной инаугурации трехрогой тиарой – реализованный комментарий небесно-харизматической субстанции, манихейской – космической силы («Свет-Сияние») и языческой – «созидательной жизненной силы». То и другое, проявленное в изобразительной среде памятника, отражает символическую систему манихее-шаманистской согласованности в вопросах веры, уникальное явление преобразования образа посланцев Света в «ряды» духов-помощников языческой космогонии.

3. Мы не находим в книжном искусстве Турфанских источников аналога графическому повтору-обновлению, однако многозначный фактор «призыва-присутствия» Учителя, «взаимозаменяемости божества», «отождествления и подобия» в манихейском учении не противоречит форме шаманского языка «вызывания» духов-помощников. Метаморфоза «воплощения» манихейского божества (муже-девы) в одной «многослойной» фигуре в покровителя духа предка-прародительницу по женской линии, во-первых, есть факт подтверждения парадигматической ценности образа, во-вторых, – акт коммуникации с небесным божеством, в третьих, – моделирующий код локальной культурной среды. Трехрогая тиара, как следует понимать, в первой стадии – корона Учителя (допустимый вариант), во второй – трехрогая тиара предка-покровительницы, один и тот же атрибут двух божественных сущностей, но в одном «многослойном» облике. С учетом фактора схематизированных аморфных изображений, вытекает следующее: для шамана был важен акт магического касания «то, что названо, оглашено, то, что отмечено, заговорит» (Klimkeit H.-J., Heuser M., 1998, с. 149), или: игра повтора, магическое значение которого – предсказание нового прихода, а не достоверное преобразование, рисование облика вызываемого божества.

4. Графическая обводка как таковая в памятниках Ошкольской степи не является специфическим фактором таштыкских изображений. Таштыкские фигуративные комбинации восприняты шаманистами как демонстрация культа «призывания» предков-духов – помощников, защитников (воинства), ушедших в глубину преданий (постманихейский период).

5. Нет сомнения в том, что феномен «обновления» имел продолжение с конца X в. (предполагаемое время затухания манихейской миссии на Енисее) до начала этнополитических конфликтов XVII–XVIII вв., и, как следствие, явился реакцией акта умилостивительного милосердия, унаследованного в традиции вечного спокойствия и страха кочевнической жизни – символическая защита в период психосоциальных конфликтов, эпизоотий, стихийных бедствий и других обстоятельств.

Библиографический список

- Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск, 1994.
Ахинжанов С.М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих головных уборах» из Семиречья // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.

- Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1992.
- Бутанаев В.Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан. 1995.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
- Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк Пресс, 2002.
- Кефалайа («главы»). Коптский манихейский трактат: Пер. Е.Б. Смагиной. М.. 1998.
- Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник, 1977. М., 1981. С. 117-137.
- Мокрынин В.П. О женских каменных изваяниях Тянь-Шаня и их этнической принадлежности // Археологические памятники Прииссыкуля. Фрунзе, 1975.
- Потанин Г.Н. Громовник по повериям и сказаниям племен Южной Сибири и Северной Монголии // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1882.
- Потапов Л.П. Лук и стрела в шаманстве у алтайцев // СЭ. 1934. №3. С. 65 -74.
- Рыбаков Н.И. Приношение хлебов. Подкамень. Хакасия. К вопросу символике манихейского обряда // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 190 -192
- Рыбаков Н.И. Око Зурвана Мани-Будды. По следам открытий экспедиции И. Аспелина (1887 - 89) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск. 2007а. Вып. 5 С. 121-134.
- Рыбаков Н.И. Енисейские муже-девы в мантиях: кто они? // Ачтае-Саянская горная страна и истории освоения ее кочевниками. Барнаул, 2007б. С. 137- 141.
- Сидоров А.И. Гностическая философия истории (каиниты, сефиане и архонтики у Епифания) II Палестинский сборник. СПб., 1987. Вып. 29 (92). С. 47 - 52.
- Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
- Allberry C.R.C. Das manichaische Bema Fest. Berlin, 1939. Band. 37.
- Appelgren-Kivalo. Alt-Altäische Kunstdenkmaeler. Helsingfors, 1931.
- Beduhn J.D. The manichaean body in Discipline and ritual. The Johns Hopkins University Press. Baltimore: London, 2000.
- Erdy M. Manichaens, nestorians or bird costumed humans in their relations tu hunnic type cauldrons in rock carvings of the Yenisei Valley// Eurasia Studies Yearbook. 1996. Vol. 68. P. 45-95.
- Klimkeit H.-J., Heuser M. Studies in manichaean literature and an. Leiden. 1998.